

Нет автора

**Отчет о тридцать девятом присуждении
наград графа Уварова**

Записки Имп. Академии наук. Том 3, №5

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о тридцать девятом присуждении наград графа Уварова: Записки Имп. Академии наук. Том 3, №5 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 185 с.

ISBN 978-5-4241-8530-4

ISBN 978-5-4241-8530-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ 25 СЕНТ. 1897 Г.

НЕПРЕМЪННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ АКАДЕМИКОМЪ Н. Ф. ДУБРОВИНЫМЪ.

На соисканіе наградъ графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено 15 сочиненій, изъ коихъ три, за недоставленіемъ рецензій, отложены до слѣдующаго конкурса. Для разсмотрѣнія и оцѣнки этихъ сочиненій была назначена коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго секретаря, изъ вице-президента Академіи Л. Н. Майкова и гг. академиковъ: А. Ф. Бычкова, М. И. Сухомлинова, В. Г. Васильевскаго, А. А. Куника и А. А. Шахматова.

Ознакомившись съ представленными сочиненіями, коммиссія для подробнаго разбора ихъ избрала рецензентовъ и пригласила доставить свое заключеніе и оцѣнку къ назначенному для того сроку.

По полученіи отзывовъ, и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства сочиненій, коммиссія положила присудить премію въ тысячу рублей сочиненію члена-корреспондента Академіи Ив. Ник. Жданова: „Русскій былевой эпосъ“. С.-Петербург., изд. 1895 г.

Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя академикъ А. Н. Веселовскій.

„Въ книгѣ проф. Жданова, говоритъ рецензентъ, соединены пять этюдовъ, появившихся разновременно въ нашихъ ученыхъ изданіяхъ (Живая Старина, Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія) и посвященныхъ, каждый, разбору одной какой-нибудь былины или былевого сюжета. Въ предисловіи высказано нѣсколько взглядовъ на отношенія эпической пѣсни къ ея историческимъ, бытовымъ, сказочнымъ и литературнымъ источникамъ; отдѣльные этюды являются какъ-бы доказательствомъ общихъ положеній, а вмѣстѣ и матеріаломъ, изъ которыхъ они извлечены. Объ этихъ положеніяхъ, выраженныхъ ясно, но нѣсколько лаконично, можно спорить, опираясь отчасти на книгу самого автора, но это — вопросъ частной критики; въ общемъ новый трудъ проф. Жданова отличается тѣми же достоинствами метода, какъ и его первая диссертация „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи“, о которой я далъ отчетъ въ свое время (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884, февраль)“.

Въ послѣдніе годы русскій эпосъ видимо привлекаетъ вниманіе изслѣдователей; явились если не школы, то направленія, сѣверное и южное, восточное и южно-славянское; сравнительная ограниченность былевого матеріала, недостатокъ старыхъ записей и отсутствіе перспективы на почвѣ самого эпоса все это невольно увлекало къ гипотезамъ, которыя должны были сразу освѣтить со стороны, тогда какъ настоящій свѣтъ долженъ исходить изнутри, изъ изученія каждой былины или былевой группы въ отдѣльности, въ ея вариантахъ, накопившихся со временемъ и дающихъ матеріалъ для внутренней исторіи пѣсни. Трудъ кропотливый, требующій не только терпѣнія, но и остроумія и большого запаса знаній и стало быть, большой начитанности въ смежныхъ областяхъ славянскаго и европейскаго фольклора. Книга проф. Жданова отвѣчаетъ этимъ требованіямъ, часто съ лихвой: нерѣдки у него выходы въ сторону по поводу той или другой мелочи, и общій планъ на время раздается, чтобы дать мѣсто цѣлому экскурсу, богатому выводами.

„Какъ и слѣдовало ожидать, говоритъ А. Н. Веселовскій, на почвѣ текучаго преданія, захваченнаго записью и

наукою сравнительно такъ недавно, эти выводы не всегда безспорны и убѣдительны, но это часто не зависитъ отъ приѣмовъ изслѣдованія, а и отъ качества матеріала. Поставьте вопросъ на почву западной литературы, и тамъ откроется такая же область, полная исканій и гипотезъ, когда, напр., ставится вопросъ о сложеніи большихъ народныхъ эпоей изъ былевыхъ пѣсенъ-кантиленъ и т. п.; и тамъ такой же, не заполненный фактами пропускъ, какъ между нашими былинами и ихъ исторической или сказочной основой.

„Болѣе двухъ третей книги занимаютъ статьи: „Повѣсти о Вавилонѣ и сказаніе о князьяхъ Владимирскихъ“ и „Василій Буслаевичъ и Волхъ Всеславывичъ“. Содержаніемъ текста, легшаго въ основу первой главы, мнѣ приходилось заниматься не разъ: авторъ присоединилъ нѣсколько цѣнныхъ указаній къ первой ея части, которыя я, въ свою очередь, умножилъ въ статьѣ, помѣщенной въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. I, кн. 4 (Сказанія о Вавилонѣ, скинии и св. Гралѣ). Но главное вниманіе проф. Жданова обращено было на вторую часть его темы, на сказаніе о князьяхъ Владимирскихъ и на легенду о перенесеніи на Русь византійскихъ императорскихъ инсигній; это и дало ему возможность приурочить „Повѣсть о Вавилонѣ“ къ былевому эпосу. Его попытка возстановить при помощи историческихъ легендъ древнюю схему былины о „Семи богатыряхъ“ очень остроумна, хотя она-то и вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія — въ связи съ однимъ изъ положеній его предисловія: я разумѣю вопросъ объ отношеніи былевого преданія къ его исторической основѣ.

„Пѣсня о Васильѣ Буслаевичѣ“ вызываетъ другого рода вопросъ: о значеніи аналогіи при критикѣ народно-поэтическихъ данныхъ. Задача автора заслуживаетъ вниманія: даны былины, записанныя относительно недавно, съ одной, притомъ, поздней, прицѣпкой къ исторіи Новгорода, съ одной, можетъ быть, случайной добавочной подробностью въ побывальщинѣ. Авторъ даетъ той и другой чертѣ особое значеніе, потому что начитанъ въ аналогіяхъ: сравненіе съ цѣлымъ рядомъ, между прочимъ, западныхъ легендъ,

приводить его къ построенію древнѣйшей, не дошедшей до насъ былины о Васильѣ, сохранившейся лишь въ позднемъ, скоморшьемъ пересказѣ, въ которомъ многое забыто, иное наново освѣщено (напр., паломничество) и всему данъ трагическій конецъ. Я оправдываю методъ автора, сомнѣваюсь лишь въ средствахъ; сходству былины съ легендою о Робертѣ Дьяволѣ дано неподобающее значеніе, тогда какъ другія параллельныя сказанія могли бы ближе освѣтить первообразъ пѣсни, не подвергая дошедшую до насъ версію излишней критической ломкѣ. Былина о Васильѣ въ настоящемъ своемъ составѣ представляется мнѣ на столько цѣльною психологически, что не вѣрится въ нее, какъ въ результатъ скоморшьяго пересозданія.

„Остальныя главы книги я разбирать не стану. Пѣсни о князѣ Романѣ отразили преданіе о Романѣ Мстиславичѣ, пѣсни о князѣ Михаилѣ — преданія о Михаилѣ Романовичѣ Брянскомъ. Тамъ и здѣсь произошелъ рядъ смѣшеній и перемѣщеній, вслѣдствіе чего, напр., князь Михайло обратился съ теченіемъ времени изъ защитника дѣвушки въ ея похитителя и т. п. Такого рода метаморфозы возможны и извѣстны въ народной пѣснѣ, въ которой историческій моментъ часто искажается, подчиняясь схемѣ заходяго преданія. Такъ, легенда о Соломоновой женѣ повліяла на пѣсню о Романѣ и, наоборотъ, заходяя сказка принимала форму былины, порой сохраняя старыя имена, чаще замѣняя ихъ фантастическими или мѣстными, историческими: Соломонъ очутился Васильемъ Окульевичемъ, сказка „О вѣщемъ снѣ“ переработана въ былинѣ съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Вопросы, поднятые авторомъ по поводу послѣдней, теоретическіе. Этому элементу теоріи, какъ и качеству критическихъ приѣмовъ, я даю особое значеніе: иные результаты, полученные авторомъ, могутъ быть отмѣнены, не оказавшись на высотѣ новыхъ фактическихъ откровеній, но работа въ этой области будетъ идти по его пути и слѣдамъ его работы, заслуживающей полной преміи графа Уварова“.

Неполныя преміи въ 500 рублей присуждены сочиненіямъ:

I. Апол. Семенов. Кроткова, генераль маіора, — „Взятіе шведской крѣпости Нотебургъ на Ладожскомъ озерѣ Петромъ Великимъ въ 1702 году“. С.-Петербург. изд. 1896 г.

По приглашенію Академіи оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя Степ. Ѳедор. Огородниковъ.

Приступая къ изслѣдованію крайне-любопытнаго эпизода изъ исторіи Сѣверной войны о взятіи Петромъ Великимъ шведской крѣпости Нотебурга, авторъ говоритъ, что поводомъ, вызвавшимъ его трудъ, послужило появленіе въ Военномъ Сборникѣ статей гг. Вобровскаго и Масловскаго: „Завоеваніе Ингріи“ и „Первая боевая дѣятельность Петра Великаго“. Желая пополнить эти статьи имѣвшимися у него данными, г. Кротковъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ своего изслѣдованія ссылается на источники, давшіе ему возможность всесторонне обследовать вопросъ о взятіи Нотебурга.

Основанное на изученіи печатныхъ источниковъ и на критическомъ къ нимъ отношеніи сочиненіе г. Кроткова составляетъ весьма обстоятельный историческій трудъ, не смотря на то, что автору, при его изслѣдованіяхъ, не пришлось ни разу прибѣгать къ непосредственному источнику, т. е. къ архивамъ. Это послѣднее обстоятельство, въ свою очередь, доказываетъ, до какой степени доведена въ настоящее время разработка источниковъ, и какую вообще неоцѣнимую услугу представляютъ для изслѣдователя нынѣшніе историческіе сборники.

„Въ нашей морской исторической литературѣ, говоритъ рецензентъ, сочиненіе г. Кроткова представляетъ совершенно новый взглядъ на дѣятельность Петра при завоеваніи Нотебурга, такъ какъ предшествующіе писатели взятіе этой крѣпости приписывали неожиданности появленія Петра съ русскими войсками, перешедшими, чрезъ топи и болота Кареліи, на берега Невы въ такое время, когда шведы, видимо, не ожидали этого нападенія. — Посѣщеніе же Петромъ Великимъ Архангельска въ 1702 году ставилось внѣ связи съ этою блестяще исполненною военною операціею.

„Но г. Кротковъ, на основаніи нынѣ изданныхъ печатныхъ матеріаловъ, пришелъ къ слѣдующему не безъинтересному выводу: „Путешествіе Петра I въ Архангельскъ съ войскомъ, съ дипломатическою канцеляріею, съ сыномъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, было вызвано не дѣйствительною опасностью, грозившею Архангельску, а желаніемъ Петра сохранить свой дѣйствительный планъ, свое дѣйствительное намѣреніе въ тайнѣ отъ противника“.

„Этотъ же выводъ, въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія, авторъ поясняетъ такъ: „Второго нападенія на Архангельскъ шведы и не предполагали дѣлать; второе нападеніе шведовъ нужно было для плановъ Петра, для отвлеченія вниманія непріятеля отъ настоящаго плана — взятія крѣпости Нотебурга на Ладожскомъ озерѣ осенью 1702 года“.

Чтобы фактически доказать свой выводъ, г. Кротковъ воспользовался всѣми печатными пособіями, относящимися до первой боевой дѣятельности Петра Великаго при началѣ Сѣверной войны, а самымъ убѣдительнымъ аргументомъ въ изслѣдованіяхъ автора послужили первые два тома писемъ и бумагъ Петра Великаго (съ 1688 по 1703 годы), изданные академикомъ А. Θ. Бычковымъ въ 1887 и 1889 годахъ.

Слѣдя подробно за содержаніемъ сочиненія, С. Θ. Огородниковъ въ своей обстоятельной рецензіи указываетъ нѣкоторыя, впрочемъ небольшіе недостатки и упущенія и въ общей оцѣнкѣ приходитъ къ заключенію о важныхъ и неоспоримыхъ достоинствахъ разсматриваемаго сочиненія.

„Нельзя не обратить вниманія, говоритъ онъ, на самый способъ изложенія, и на вытекающую изъ него занимательность разсказа. Книга читается легко; встрѣчающіяся въ ней частыя повторенія, или, вѣрнѣе итоги, не вредятъ общему очерку событій, а ведутъ лишь къ убѣжденію читателя, получающаго чрезъ эти итоги полную возможность ориентироваться и приходитъ къ исковому соглашенію съ авторомъ“.

Полнота указываемыхъ въ сочиненіи печатныхъ источниковъ, тщательный ихъ подборъ, изученіе и дѣлаемая искусно сопоставленія для всесторонняго выясненія какъ существовавшаго у Петра

плана относительно Нотебурга, такъ и самаго способа приведенія этого плана въ исполненіе, вполне доказываютъ главный тезисъ автора, послужившій для историческаго изслѣдованія: что именно вызвало путешествіе царя Петра въ Архангельскъ въ 1702 году?

„Изслѣдованіе г. Кроткова, говоритъ въ заключеніе С. О. Огородниковъ, по полнотѣ приведенныхъ свѣдѣній, составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу историческую науку, не усматривавшую, до настоящаго времени, видимой связи между предпринятымъ въ 1702 году Петромъ путешествіемъ въ Архангельскъ и взятіемъ шведской крѣпости Нотебурга“.

„Неотъемлемая заслуга автора состоитъ именно въ доказательствахъ существованія этой связи, почему и нахожу справедливымъ рекомендовать благосклонному вниманію Императорской Академіи Наукъ сочиненіе г. Кроткова, и полагаю, что оно вполне заслуживаетъ преміи“.

II. Григор. Александр. Воскресенскій. — 1) „Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка по сто-двѣнадцати рукописямъ Евангелія XI—XVI вв.“. Москва, изд. 1896 г.

2) „Древне-славянскій Апостолъ. Посланія Св. Апостола Павла по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго Апостольскаго текста съ разночтеніями изъ пятидесяти одной рукописи Апостола XII—XVI вв.“. Сергіевъ посадъ издан. 1892 г.

3) „Древне-славянское Евангеліе. Евангеліе отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго евангельскаго текста съ разночтеніями изъ ста-восьми рукописей Евангелія XI—XVI вв.“. Сергіевъ посадъ изд. 1894 г.

Рецензія на эти сочиненія составлена, по приглашенію Академіи, профессоромъ Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института Михаиломъ Несторовичемъ Сперанскимъ.

Профессоръ Г. А. Воскресенскій давно уже извѣстенъ, какъ одинъ изъ наиболѣе неутомимыхъ славистовъ-изслѣдователей исторіи священнаго писанія въ славянскомъ переводѣ. Его

труды въ этой области, по его собственнымъ словамъ (предисловіе къ изданію „Посланія къ Римлянамъ“, стр. 1), начались еще въ 1873 году. Началъ онъ свою дѣятельность по отношенію къ избраннымъ имъ изслѣдованіямъ съ изученія рукописей Апостола сначала по русскимъ библіотекамъ, а затѣмъ присоединилъ сюда и рукописи заграничныхъ библіотекъ. Результатомъ этого вышелъ его трудъ: „Древне-славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в.“ (Москва 1879 г.). Затѣмъ Г. А. Воскресенскій обращается уже къ евангельскому тексту, интересъ къ которому у него начался еще во время работъ надъ Апостоломъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ отчетъ о его поѣздкѣ за-границу, вышедшій въ 1882 г. (Сборн. Отд. русск. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ XXXI № 1). Съ этихъ поръ, повидимому, интересъ его и сосредоточивается на евангельскомъ текстѣ, какъ можно судить по его статьямъ, преимущественно критическаго характера, въ Извѣстіяхъ Славянск. благотвор. Общества (1884, № 2), Сборникѣ Отдѣл. рус. яз. Импер. Акад. Наукъ (т. 40, 1886 г.), въ Богословскомъ Вѣстникѣ и проч.

Въ 1884 г. мы уже знакомимся съ первой работой г. Воскресенскаго надъ евангельскимъ текстомъ общаго характера: „Характеристическія черты главныхъ редакцій славянскаго перевода Евангелія“, представлявшей его рефератъ на VI Археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ; рефератъ этотъ, довольно обширный по объему (Труды Съѣзда т. I, 276—306 in 4° Одесса 1886 г.), напечатанъ два года спустя.

„Теперь, замѣчаетъ М. Н. Сперанскій, передъ нами его обширный трудъ, сходный по заглавію и по содержанію съ его рефератомъ. Въ предыдущихъ статьяхъ, особенно въ упомянутомъ рефератѣ, уже выяснились приемы автора, выяснился матеріалъ, а также намѣтились въ значительной степени и выводы. Въ настоящемъ трудѣ авторъ свелъ въ одно цѣлое все, что было имъ сдѣлано до сихъ поръ, измѣнивъ очень немного, даже въ изложеніи (тѣмъ объясняется буквальное сходство въ послѣднемъ трудѣ съ предыдущими: авторъ многія страницы предыдущихъ трудовъ просто перепечаталъ); но зато многое онъ дополнилъ, увеличивъ значительно

матеріаль, съ которымъ онъ оперируетъ. Такимъ образомъ новый трудъ автора не внесъ много новаго въ выводы его, съ которыми мы познакомились раньше. Поэтому, развивая главный изъ трехъ названныхъ выше въ заголовкѣ трудовъ, мы оцѣниваемъ въ тоже время и предыдущіе труды автора по исторіи евангельскаго текста; поэтому мы ссылаемся на его предыдущіе труды только изрѣдка, когда эти послѣдніе отличаются въ своихъ выводахъ отъ настоящаго, показывая прогрессъ автора, достигнутый имъ за послѣднее время въ области изучаемаго имъ предмета.

„Послѣ цѣлаго ряда, такъ сказать подготовительныхъ работъ, какими приходится считать его болѣе ранніе труды по евангельскому тексту, у автора выработался твердый, опредѣленный методъ изслѣдованія собраннаго имъ богатаго матеріала; методъ этотъ проводится имъ въ цѣломъ и въ частностяхъ съ одинаковой послѣдовательностью; сверхъ того, этотъ методъ (подъ названіемъ „руководительныхъ началъ“) изложенъ г. Воскресенскимъ на первыхъ страницахъ его труда“.

Знакомясь съ этимъ методомъ, оцѣнивая его по сравненію съ методами предшественниковъ и современныхъ ученыхъ изслѣдователей Св. Писанія, уважаемый рецензентъ невольно былъ пораженъ разницей метода проф. Воскресенскаго сравнительно особенно съ работами современной филологіи: необходимо было провѣрить этотъ методъ. Провѣрка метода по богатому матеріалу, данному самимъ авторомъ, убѣдила рецензента съ одной стороны въ достоинствѣ отдѣльныхъ частей этого метода, съ другой стороны въ его недостаткахъ. Эти послѣдніе, какъ показало болѣе тщательное изслѣдованіе, отразились довольно сильно на выводахъ, изъ которыхъ нѣкоторые нуждаются, впрочемъ, въ исправленіи.

„Я могъ, говоритъ М. Н. Сперанскій, въ силу своего положенія, какъ рецензента, а главнымъ образомъ въ силу обстоятельствъ, не позволявшихъ мнѣ разрабатывать вопросы иначе, какъ ограничиваясь почти исключительно матеріаломъ изъ самаго изслѣдованія проф. Воскресенскаго, да немногихъ печатныхъ изслѣдованій, мнѣ доступныхъ, — я могъ только указать путь къ тѣмъ исправленіямъ, которыя считалъ бы нужнымъ сдѣлать,

какъ въ методѣ, такъ и въ выводахъ автора. Этимъ объясняется тотъ преимущественно методологическій характеръ, который принялъ мой отзывъ: *fecit, quod potui*“.

Второй трудъ г. Воскресенскаго есть изданіе текста, построенное на основаніи предыдущаго изслѣдованія, хотя и вышель онъ раньше. Обширное введеніе, которымъ снабдилъ авторъ изданіе Св. Марка, есть ничто иное, какъ повтореніе части того, что сказано имъ въ изслѣдованіи, проще сказать — перепечатка. Поэтому, разбору подлежала только новая часть второго труда: она, какъ результатъ изслѣдованія, послужила повѣркою этого изслѣдованія.

„Поэтому, пишеть рецензентъ, имѣя постоянно въ виду изданіе текста, я счелъ возможнымъ въ разборѣ ограничиться немногими словами.

„По той же причинѣ не многосложенъ былъ разборъ и третьяго изъ названныхъ трудовъ: онъ стоитъ почти въ тѣхъ же отношеніяхъ къ болѣе раннему изслѣдованію проф. Воскресенскаго объ Апостолѣ, а это послѣднее изслѣдованію и оцѣнкѣ здѣсь не подлежитъ. Но такъ какъ введеніе къ изданію Посланія къ Римлянамъ самостоятельнаго значенія, безъ изслѣдованія автора объ Апостолѣ, не имѣеть, то я счелъ не лишнимъ, гдѣ необходимо, коснуться „Древнеславянскаго Апостола и его судьбы до XV в.“.

Прослѣдивъ весьма подробно, почти по страницамъ, за изслѣдованіемъ г. Воскресенскаго, и указавъ на нѣкоторые его недостатки, почтенный рецензентъ приходитъ къ слѣдующему общему выводу.

„Общее впечатлѣніе, заявляетъ онъ, вынесенное мною изъ ознакомленія съ трудами г. Воскресенскаго, несомнѣнно говорить въ пользу ихъ: несмотря на недостатки въ методѣ, въ разныхъ его примѣненіяхъ и недочеты со стороны филологической критики и оцѣнки фактовъ, имѣвшія послѣдствіемъ не вездѣ правильное и полное освѣщеніе всего вопроса и его частныхъ, трудъ Г. А. Воскресенскаго съ лихвою вознаграждаетъ насъ своими достоинствами, выразившимися въ относительной полнотѣ и, въ большинствѣ случаевъ, новизнѣ матеріала, внесеннаго имъ въ